12+

Дмитрий Иванов

Тень на рассвете

Дмитрий Иванов
Тень на рассвете

https://litres.ru/74834579
ISBN 9785007161541

Аннотация

Целительница Лира не верила в сказки — пока не заключила брак с принцем Подземья. Каэль проклят: каждый рассвет он теряет себя, а тень, запертая в нём, рвётся наружу. Лира может спасти его — но цена окажется выше, чем она готова заплатить. Ей придётся выбрать между любовью и целым миром.

Содержание

Глава 1. Рассвет над Приграничьем 5
— М? 9
Глава 2. Незнакомец у колодца 14
— М? 21
Глава 3. Курган 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Тень на рассвете

Дмитрий Иванов

© Дмитрий Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-6154-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Рассвет над Приграничьем

Болото дышало.

Лира всегда чувствовала это раньше, чем видела: сначала — влажный, тяжёлый выдох тумана, потом — запах тины и болотной мяты, и только потом из белой мглы проступали чёрные коряги, похожие на скрюченные пальцы. Она стояла по колено в холодной воде уже третий час, и ноги онемели так, что казались чужими. Но это было неважно. Важно было собрать мяту до восхода, пока роса не смыла с листьев всё, что делает её лекарством, а не просто травой.

— Ещё немного, — прошептала Лира, хотя говорила не с кем-то, а с собственными руками. — Ну же.

Пальцы, красные от холода, осторожно срывали листья и складывали в холщовую сумку, висевшую на плече. Она знала это болото с шести лет — знала каждую кочку, каждую обманчивую прогалину, каждый участок, где под слоем ряски прячется яма. Её учила бабушка. Бабушка учила её всему: какие травы от лихорадки, какие от боли, какие — от тоски, от которой у людей иногда останавливается сердце. Бабушка говорила: «Ты не просто лекарь, Лира. Ты — тот, кто чувствует. Это дар, и это проклятие, и от тебя зависит, чем оно станет».

Лира тогда не понимала. Ей было шесть. Она просто взяла бабушку за руку, когда та лежала на своей постели, серая

и далёкая, — и вдруг почувствовала, как боль переливается из бабушкиных пальцев в её собственные, как холодная вода через край чашки. Бабушка тогда открыла глаза и улыбнулась: «Вот теперь я вижу, какая ты». А Лира неделю не могла ходить — ноги не слушались, будто чужие. Мать плакала и ругалась, а бабушка только гладила её по голове и повторяла: «Ничего. Научится. Дар — как нож: пока не научишься держать, режешься сама».

Бабушка прожила ещё три дня. Лира до сих пор не знала, помогло ли это, или просто дало время попрощаться.

— Лира! Лира, ты где?

Голос вдовы Мэрты разнёсся над болотом, как вспугнутая птица. Лира вздохнула, выпрямилась и помахала рукой:

— Здесь! У третьей ивы!

Вдова Мэрта появилась из тумана — крупная, красная, в платке, повязанном так туго, что лицо казалось варёным. Она несла козу. Точнее, коза несла себя сама, но выглядела так, будто её несли: белая, с безумными жёлтыми глазами, она волочила заднюю ногу и при каждом шаге издавала звук, похожий на скрип несмазанной телеги.

— Она в заборе застряла, — объявила вдова. — И бельё съела. Всё бельё, Лира! Я теперь неделю буду ходить в чём мать родила!

— Не будете, — Лира выбралась на берег, вытирая руки о передник. — Я вам новое пошью. Из старого.

— Из чего это, интересно?

— Из вашего же. Вы же бельё не выбросили?

Вдова открыла рот, потом закрыла. Коза тем временем попыталась съесть сумку Лиры.

— Стой, дура! — Лира присела, взяла козью ногу в ладони и закрыла глаза. Боль пришла сразу: тупая, горячая, с вывихом внутри, как будто в сустав вставили раскалённый гвоздь. Лира выдохнула, «потянула» — и вправила ногу одним движением, привычным, как дыхание.

Коза взвизгнула, лягнулась и встала на все четыре.

— Ох ты ж, — выдохнула вдова. — Всё?

— Всё. Только не давайте ей больше к забору подходить. И бельё сушите выше.

— Ага, — вдова смотрела на неё с той смесью благодарности и опаски, к которой Лира привыкла с детства. — Спасибо, милая. На вот, — она сунула ей в руку три яйца, завёрнутых в тряпицу. — И… ты это… не ходи сегодня на пустошь.

— Почему?

Вдова оглянулась, будто за спиной у неё стоял кто-то. Болото молчало.

— Огни там. Ночью. Я сама видела — три огня, как свечи, и ходят. И овцы пропадают. Ты бы поостереглась, Лира. Ты девка хорошая, но неугомонная. А любопытство до добра не доводит.

— Не доводит, — согласилась Лира. — Но и скука тоже.

Вдова хмыкнула и ушла, волоча козу за верёвку. Коза шла на четырёх ногах и выглядела очень довольной собой.

Дом стоял на краю деревни, у самой опушки, — маленький, кривой, с крышей, которую Лира латала каждую осень, клянясь, что следующей осенью точно перекроет. Тэм сидел на крыльце и чинил сеть. Ему было четырнадцать, он был длинным и угловатым, как журавль, и у него были руки, которые всё время что-то делали: чинили, строгали, крутили, жевали травинку. Увидев сестру, он поднял голову и ухмыльнулся:

— Ты опять в болоте купалась?

— Я опять на болоте работала. Есть разница.

— Обе мокрые.

Лира прошла мимо, взъерошив ему волосы. Тэм фыркнул и отстранился, но было видно, что ему приятно.

В доме пахло дымом и сушёными травами. Лира развесила мяту под потолком и села к очагу, грея руки. Тэм вошёл следом, всё ещё держа сеть, и уселся на лавку напротив.

— Лира.

— М?

— Я тебе кое-что нашёл.

Он полез в карман и вытащил что-то, завёрнутое в тряпку. Лира развернула — и на минуту перестала дышать.

Камень был чёрный, гладкий, размером с ладонь, и по нему вилась гравировка — тонкие, ветвящиеся линии, похожие на корни дерева или на вены. Он был тёплым. Не как нагретый на солнце камень, а как живая кожа.

— Тэм, — сказала Лира очень спокойно. — Где ты это взял?

— На кургане, — сказал он, и в его голосе не было ни капли вины. — Там красиво блестело. Я думал, тебе понравится.

— На кургане.

— Ну да. А что?

Лира посмотрела на брата. Потом на камень. Потом снова на брата.

— На курган нельзя ходить, — сказала она. — Это старое место. Там ничего нельзя брать. Никогда. Это же… все знают.

— Все знают, что нельзя, а никто не знает, почему, — резонно заметил Тэм. — Может, это просто бабкины сказки. Лира, ну что ты как…

— Тэм.

Она сказала это так, что он замолчал. Лира взяла камень

в руки — и метка на её ладони, та самая, тонкая, как вена, вспыхнула. Всего на миг. Лира посмотрела на неё, потом на камень, и в груди что-то сжалось, холодное и предчувственное.

— Я отнесу его обратно, — сказала она. — Завтра. Сам. И ты со мной не пойдёшь.

— Ладно, ладно, — Тэм поднял руки. — Я же не знал.

Он не знал. Лира это знала. Он был ребёнком — ну, почти ребёнком, — и он хотел сделать ей приятно. Она взъерошила ему волосы ещё раз и спрятала камень в шкатулку на полке. Шкатулка была старой, с потёртой крышкой, и в ней лежали бабушкины бусы, мамина брошь и теперь — этот камень. Лира закрыла крышку и постаралась забыть о нём.

Вечером у колодца собралась вся деревня. Кто-то чинил колесо, кто-то нёс воду, кто-то просто стоял и смотрел, как солнце падает за лес. Лира пришла с ведром, и почти сразу рядом оказался Гарт.

Гарт был кузнецом. У него были огромные руки, борода и глаза, как у собаки, которая очень хочет, чтобы её погладили, но боится, что прогонят. Он уже год как заходил к ней «просто так», и Лира знала, что он хочет сказать, ещё до того, как он открывал рот.

— Лира, — сказал он, беря у неё ведро. — Дай помогу.

— Спасибо.

Они пошли вместе. Гарт молчал, потом сказал:

— Слышала про овец?

— Слышала.

— И про огни?

— Слышала.

— И что… — он замялся, — что думаешь?

Лира остановилась. Колодец остался позади, они стояли у забора, и над ними висело низкое, красное от заката небо.

— Думаю, что люди любят страшные истории, — сказала она. — Особенно осенью.

— А если это не истории?

— Тогда я буду лечить тех, кого это коснётся, — Лира пожала плечами. — Это всё, что я умею. Лечить.

Гарт помолчал.

— Я хотел спросить, — наконец сказал он. — Я давно хотел спросить. Ты… ты не хочешь выйти за меня? По-нормальному. Чтобы дом, хозяйство. Я не прошу любить, — добавил он быстро, — я знаю, что ты… я просто прошу, чтобы у тебя был дом. И защита. И…

— Гарт, — мягко сказала Лира. — Ты хороший.

Он вздрогнул.

— Я знаю, чем заканчивается «ты хороший».

— Нет, — она положила руку ему на плечо и тут же отдёрнула, потому что почувствовала, как от его плеча к её пальцам перетекает боль: старую, мозольную, тоскливую. — Я не могу. Не потому что ты плохой. А потому что я буду чувствовать тебя каждую ночь. Каждую ночь, Гарт. И каждый раз, когда тебе будет больно, я буду просыпаться. Это не жизнь.

Это…

— Это я, — сказал он тихо.

— Это ты. И я. И я не хочу врать тебе.

Гарт кивнул. Взял ведро, поднял его на плечо — легко, как пушинку, — и пошёл к дому. Лира смотрела ему вслед и чувствовала себя последней дрянью. Но врать было бы хуже.

Ночью ей приснился сон.

Женщина стояла в темноте. На ней было чёрное платье, в волосах — миртовая ветвь. У неё было лицо, которое Лира никогда не видела и при этом как будто знала всю жизнь.

— Невеста, — сказала женщина. Голос у неё был как вода в колодце — глубокий и очень далёкий. — Ты опоздала.

— Опоздала куда? — спросила Лира.

Женщина улыбнулась. Улыбка была не злая, скорее — печальная.

— На свою свадьбу, — сказала она. — Ты опоздала на двести лет.

Лира проснулась от холода. Одеяло сползло, в комнате было темно, только светились угли в очаге. Она села, натянула одеяло на плечи — и в этот момент поняла, что в комнате есть кто-то ещё.

Он стоял у окна. Высокий, в тёмном, и его глаза были такие чёрные, что казались двумя провалами в белом лице. Лира не закричала. Она хотела закричать, но горло перехватило, и она просто смотрела, как он поднимает руку.

— Ты опоздала на нашу свадьбу на двести лет, — сказал

он. — Я устал ждать.

Лира зажгла свечу.

В комнате никого не было. Окно было закрыто. На полу не осталось следов. Только занавеска на окне чуть покачивалась — а может, это был сквозняк.

Лира просидела до утра, глядя на огонь. Она не верила в привидения. Но у неё на ладони всё ещё горела метка, и что-то подсказывало ей, что с этой ночи её жизнь больше не будет прежней.

Глава 2. Незнакомец у колодца

Утро выдалось серым и тихим. Лира вышла из дома, когда туман ещё лежал на деревне, и первым делом обошла дом — вокруг, по всем сторонам. Снега не было, но под окнами она нашла несколько примятых травинок. Следов не было. Ни отпечатков обуви, ни потревоженной земли. Будто кто-то стоял здесь, не касаясь земли.

Или будто никого и не было.

— Привиделось, — сказала Лира вслух. — Просто сон. Просто камень. Просто глупости.

Она сказала это и сама себе не поверила. Но надо было жить дальше.

Жить дальше означало чинить забор, сушить травы и идти к мельничихе, у которой третьи сутки не начинались роды. Лира пришла к обеду — и сразу поняла: плохо. Очень плохо.

Мельничиха лежала на постели, серая от пота, и повитуха — тётка Дарья, опытная, но уже немолодая — металась вокруг неё, как испуганная курица.

— Лира, слава богам, — выдохнула Дарья. — Не идёт. Ни в какую. Слышу, что живой, а не идёт.

Лира опустилась на колени у постели и взяла роженицу за руку. Боль хлынула в неё сразу — огромная, горячая, сдавленная, как будто её саму стиснуло изнутри. Лира стиснула зубы и «потянула». Не на себя — просто в сторону, в землю,

куда она обычно сбрасывала чужую боль. Такая у неё была техника. Бабушка называла это «отдавать земле».

— Тише, тише, — говорила она, хотя не знала, кому: мельничихе или себе. — Сейчас. Сейчас мы вместе.

Час. Два. Лира уже не чувствовала ни рук, ни спины. В какой-то момент всё поплыло, и она на секунду потеряла сознание — просто пришла в себя, сидя на полу, с мокрым от пота лицом. Но ребёнок закричал.

Мельничиха разрыдалась. Дарья суетилась с водой. Лира сидела на полу и смотрела, как новорождённый, красный и сморщенный, дрыгает ножками в руках повитухи, и чувствовала, как земля принимает чужую боль.

— Ведьма, — сказала Дарья тихо. — Ох, Лира. Ты же себя так угробишь.

— Я в порядке, — соврала Лира.

Домой она шла через деревню, и люди провожали её взглядами. Кто-то благодарно кивал, кто-то отводил глаза. Она привыкла. Лекарь и ведьма в деревне — это одна и та же женщина, просто в зависимости от того, кто говорит.

Тэм ждал её на крыльце.

— Ты знаешь, что я тебе камень с кургана принёс, — сказал он, вместо приветствия.

— Помню.

— Так вот. Я не просто так. Я хотел тебе сказать. — Он замялся. — Я не знал, что нельзя. Правда. Я думал, это просто бабкина страшилка.

— Тэм…

— Я хотел подарить тебе что-то красивое, — сказал он, и голос у него дрогнул. — Ты всё время лечишь кого-то. У тебя никогда нет ничего своего. Я подумал: будет камень. Красивый. Чтобы ты… ну… — он махнул рукой. — Чтобы у тебя было что-то, что не для других.

Лира смотрела на него и чувствовала, как в груди что-то сжимается. Она подошла и обняла его — крепко, неловко, потому что они никогда особенно не обнимались.

— Спасибо, — сказала она. — Только мы его отнесём. Завтра же.

— Ладно, — пробурчал Тэм ей в плечо.

Вечером староста собрал деревню у колодца. Лира пришла с Тэмом — и сразу поняла, что новости плохие. Мужики стояли хмурые, бабы теребили платки. Гарт был там же, у края толпы, и смотрел на Лиру.

— Овчарня, — сказал староста. — Ночью. Всё разорено. Ягнёнка нет. Собаки молчали, как мёртвые. И знак.

— Какой знак? — спросила Лира.

Староста повернул её — и Лира увидела на стене овчарни, на старых досках, свежие, будто процарапанные ножом, линии. Те же линии, что на камне. Корни. Вены.

— Вот, — сказал староста. — Кто-то ходит. Кто-то с той стороны.

Толпа загудела. Лира смотрела на знак и чувствовала, как метка на её ладони начинает теплеть.

Ночью она не спала. Взяла камень из шкатулки, завернула в тряпку и вышла из дома. Было тихо, звёзды висели низко и ярко, и деревня спала, как будто ничего не случилось. Лира шла через пустошь, по старой тропе, к кургану. Она сто раз говорила себе, что делает глупость. Она сто раз останавливалась. И шла дальше.

— Тэм не знал, — сказала она вслух, чтобы не было так тихо. — Он ребёнок. Он не знал. Я верну, и всё закончится.

Курган показался внезапно — тёмный, круглый, поросший бурьяном, в лунном свете похожий на огромную спину спящего зверя. Ветер на пустоши был сильнее, он нёс запах гари, хотя никакого огня не было видно.

У подножия кургана стоял человек.

Он был высокий, в тёмном плаще, и он не прятался. Он просто стоял и смотрел, как она подходит. Лира остановилась шагах в десяти.

— Ты, — сказала она.

— Я, — согласился он.

Он говорил спокойно, почти лениво, и у него был голос, который хотелось слушать, что Лира немедленно возненавидела.

— Зачем ты пришёл ко мне домой?

— Предупредить.

— Предупредить о чём?

Он кивнул на свёрток в её руках.

— О том, что ты не можешь вернуть камень. Он уже не

твой. Он уже ничей. Но если ты попробуешь, будет хуже.

— Что значит «хуже»?

— Откроется дверь, — сказал он. — Та, которую лучше не открывать.

Лира смотрела на него. Луна светила ему в спину, и лицо было в тени, но она видела глаза. Чёрные. Как провалы.

— А ты, — сказала она. — Ты кто?

— Каэль, — сказал он. — Сборщик долгов.

— С юга.

— С юга, — повторил он, и на его лице что-то мелькнуло. Похоже на улыбку.

— Мне не нужны долги, — сказала Лира. — Мне нужно вернуть камень и забыть обо всём этом.

— Забыть не получится.

Она шагнула вперёд.

— Отойди.

— Не могу.

— Отойди!

— Лира.

Он произнёс её имя так, как будто знал его всю жизнь. Она замерла.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

И Лира почувствовала. Под ногами у неё земля была тёплой. Она дышала — так же, как болото, только глубже, тяжелее. И из-под земли, из кургана, шёл звук: низкий, ровный, как будто где-то в глубине билось сердце.

— Что это? — прошептала она.

— Это дверь, — сказал Каэль. — И она уже проснулась. Поэтому я здесь.

— Я не хотела, чтобы она просыпалась.

— Я знаю, — сказал он, и в его голосе была странная, неожиданная мягкость. — Поэтому я и пришёл.

Сзади хрустнул гравий. Лира обернулась — и увидела, как из темноты выходят ещё трое. В серых плащах, с капюшонами. Они двигались тихо, слишком тихо для людей, и у них не было лиц — только тени под капюшонами.

— Стойте, — сказал Каэль.

Они остановились. Но не сразу.

— Мы пришли за невестой, — сказал один из них. Голос был скрежещущий, как несмазанное колесо.

— Не сегодня, — сказал Каэль.

— Договор ждёт.

— Я сказал: не сегодня.

Лира почувствовала, как воздух вокруг него изменился. Стал тяжёлым. Каэль даже не двинулся — просто что-то в нём сдвинулось, как будто внутри у него открылась дверь. Трое в серых плащах попятились.

— До рассвета, целительница, — сказал Каэль, не оборачиваясь. — Иди домой. Запри дверь. И не выходи до утра.

Лира не помнила, как дошла до дома. Помнила только, что бежала почти всю дорогу. Помнила, что у неё в руках всё ещё был камень, а камень был тёплым.

Дома Тэм спал. Лира села на лавку и посмотрела на свою ладонь. Метка — тонкая чёрная ветка — потемнела и стала глубже, будто пустила корни.

— Тэм, — позвала она.

Он проснулся и сонно посмотрел на неё.

— М?

— Почему у меня на ладони чёрная ветка?
Тэм прищурился, взял её руку, рассмотрел и сказал:
— Я думал, это ты сама нарисовала.

Глава 3. Курган

— Нет, — сказала Лира. — Нет. Это не рисунок. Это не может быть рисунок. Тэм, посмотри внимательно.

Тэм посмотрел внимательно. Потом потёр метку пальцем. Потом попробовал ногтем. Метка не сходила.

— Может, это… — он замялся, — ну, кровь присохла? Как чернила из… чего-нибудь.

— Чернила из чего-нибудь, — повторила Лира. — Тэм.

— А что я должен сказать? — он вдруг испугался, по-настоящему испугался, и его голос стал детским. — Я не знаю, что это! Ты сама меня спрашиваешь, как будто я знаю!

Лира замолчала. Он был ребёнком. Он не знал.

— Ладно, — сказала она. — Ладно. Не бойся. Я разберусь.

Она сказала это так уверенно, как только могла. Внутри у неё всё сжималось.

День ушёл на попытки жить как раньше. Лира перебирала травы, сушила мяту, лечила старика с больной спиной, ссорилась с мельничихой из-за платы («Я тебе ребёнка с того света вытащила, а ты мне — два яйца?»), снова говорила с Гартом — коротко, сухо, и он уходил с таким лицом, будто его ударили.

Метка не болела. Это было хуже всего. Она просто была — как будто всегда была. Лира начала думать, что сходит с ума.

К вечеру она не выдержала. Завернула камень в тряпку, взяла нож, подоткнула юбку — и пошла на пустошь.

Каэль ждал у кургана. Он сидел на камне, как будто был частью пейзажа, и смотрел на неё без всякого удивления.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он.

— Естественно, — огрызнулась Лира. — Ты всё знаешь. Ты вообще кто? Демон? Дух? Вампир?

— Сборщик долгов.

— Прекрати это говорить.

Он поднял брови.

— Хорошо. Я — принц.

— Принц чего?

— Подземья.

Лира уставилась на него.

— Подземья.

— Да.

— Под землёй.

— Под землёй.

— И что, там… — Лира запнулась, — там люди?

— Не люди, — сказал Каэль. — Но и не звери. Существа. Мы живём в сумерках, у нас есть города, дворцы, сады. У нас есть законы. И есть договоры.

— Договоры с кем?

— С миром живых.

Он встал и подошёл к кургану. Лира невольно отступила на шаг.

— Двести лет назад, — сказал он, — был заключён договор. Подземье и мир живых должны были жить в мире. Договор скреплялся браком. Наследник Подземного двора должен был взять в жёны смертную — дитя рассвета, рождённую на рассвете, ту, что умеет чувствовать чужую боль.

Лира почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Невеста не пришла, — продолжал Каэль. — Она отказалась. Или не смогла. Или умерла — я до сих пор не знаю. Договор треснул. С тех пор тени прорываются в мир живых. Сначала это были мелочи — пропавшие овцы, странные сны. Потом хуже. Теперь — овчарни, люди. Дальше будет война.

— И ты хочешь, — медленно сказала Лира, — чтобы я стала этой невестой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.